

Reinhard Ibler (*Giessen*)

Готфрид Август Бюргер и рождение чешской баллады

Ключные речи:

чешская литература в эпоху национального возрождения; история чешской баллады; Г. А. Бюргер и чешская литература.

У раду се разматра историјат настанка жанра баладе у чешкој књижевности на материјалу оригиналне и преводне литературе (прве чешке баладе из 1795. године; делатност Антонина Јарослава Пухмајера; Југманов превод Бургерове баладе *Леонора*).

Перевод баллады Готфрида Августа Бюргера (*Gottfried August Bürger*) *Lenore*, сделанный в 1806 году филологом и поэтом Йозефом Юнгманном (*Josef Jungmann*), одним из выдающихся представителей чешского Национального возрождения, является не только большим достижением в области поэтического перевода, но и важным стимулом для дальнейшего развития жанра баллады в чешской литературе. Однако, первые чешские баллады были опубликованы уже в 1795 году в первом из пяти альманахов, которые были изданы поэтом Антонином Ярославом Пухмайером (*Antonín Jaroslav Puchmajer*). В этот альманах были включены переводы двух баллад Бюргера. Конечно, эти переводы не имели такого

художественного значения, как перевод *Леноры* Юнгманном, тем не менее они сообщают многое о ранней поэтике чешской баллады. В дальнейшем речь пойдет об этих двух ранних текстах.

Первый перевод – это стихотворение Прокопа Шедивого (*Prokop Šedivý*) *Ukrutný myslivec* (*Almanahy A. J. Puchmajera* 1: 47–61), само название которого указывает на родство с балладой Готфрида Августа Бюргера *Der wilde Jäger* (*Bürger* 1987: 248–255). Между этими текстами, действительно, есть большое сходство, по крайней мере в отношении сюжета. *Der wilde Jäger* был впервые опубликован в 1786 году в *Гёттингер Музенальманах* (*Göttinger Musenalmanach*; см. Kaim-Kloock 1963: 205). Опираясь на старое

сказание, стихотворение повествует о том, как рейнский граф отправляется воскресным утром со своей свитой на охоту вместо того, чтобы идти в церковь. По дороге к ним присоединяются два таинственных всадника. Всадник, подъехавший с левой стороны, описывается положительно («*lichthehr*», «*mit mildem Frühlingsangesicht*»); всадник, подъехавший с правой стороны, напротив, отрицательно (*groß, dunkelgelb*). Рейнский граф во время охоты не считается ни с кем и ни с чем: он топчет всё подряд и стреляет по всем, кто становится ему поперёк дороги. При этом он следует наущениям злого всадника и игнорирует увещания доброго всадника, который призывает графа вести себя, как это подобает добродетельному христианину. Поскольку граф не заботится об упавшем замертво всаднике из его свиты, поскольку его не трогают ни просьбы крестьянина не топтать его поля, ни просьбы пастуха пощадить его стадо, и поскольку он игнорирует призыв лесного отшельника не нарушать воскресный покой, судьба горько наказывает графа: отныне его вечно преследуют демоны и злые духи.

*Fleuch, Unhold, fleuch, und werde jetzt,
Von nun an bis in Ewigkeit,
Von Höll' und Teufel selbst gehetzt!
Zum Schreck der Fürsten jeder Zeit [...]*

Эта баллада затрагивает неоднократно нравственные и социальные проблемы (нарушение религиозных норм, грубое отношение к представителям низшего класса). Этому способствуют иногда и приёмы сентиментального изображения: мольбы бедных людей, бессердечность рейнского графа и т. д. Все эти компоненты, однако, относительно функционального ядра стихотворения, т. е. собы-

тия, имеют скорее второстепенную роль. Они или порождают или сопровождают событийное действие. Так, например, мотив неуважения к святому воскресенью в начале текста разворачивает действие, чтобы в конце послужить основным импульсом для решающего поворота событий, наказания Рейнскому графу. Этот акцент на событийности полностью соответствует концепции ранней баллады, согласно которой развлечение и создание напряжения ставятся выше нравоучительных и социально-критических тенденций. В данном случае этот принцип поддерживается сильной (ямбической) ритмикой, как фонетической так и лексической экспрессивностью, а также динамичной, разнообразной формой повествования. Рассказчик появляется лишь в редких случаях, делая оценивающие и нагнетающие напряжение комментарии (особенно хорошо это видно при представлении двух всадников: *Wer waren Reiter links und rechts? // Ich ahnd' es wohl, doch weiß ich's nicht*). Стремительное развитие действия основывается на нескольких факторах, так прежде всего на внезапном введении в происходящее (*Der Wild- und Rheingraf stieß ins Horn*) и на быстром чередовании речи действующих лиц с повествовательными пассажами, описывающими быстрое движение: *Rischnasch quer über'n Kreuzweg ging's*. Жуткий и в то же время ироничный конец не позволяет точно определить жанровые рамки данного стихотворения, которое содержит в себе элементы жуткой, комической, социально-критической и нравоучительной баллады. Подобная жанровая открытость абсолютно соответствовала новой («антиклассицистической») художественной концепции.

Прокоп Шедивый сохраняет в *Ukrutný myslivec* всю схему действия бюргерской

баллады. Тем не менее художественная форма выдаёт значительные отличия. Хотя шестистрошная строфа и конечная, перекрестная рифма из *Der Wilde Jäger* были переданы в *Ukrutný myslivec*, объём стихотворения, однако, изменён: по срав-

нению с немецким текстом (36 строф) содержит чешский текст 45 строф. Этому есть несколько причин. Интересно сравнить первые строфы из *Der wilde Jäger* и *Ukrutný myslivec*:

Der Wild- und Rheingraf stieß ins Horn:
„Halloh, Halloh zu Fuß und Roß!“
Sein Hengst erhob sich wiehernd vorn;
Laut rasselnd stürzt' ihm nach der Troß;
Laut klafft' und klafft' es, frei vom Koppel,
Durch Korn und Dorn, durch Heid' und Stoppel.

Jakž kronika vypravuje,
Byl blíž Rejna jistý zeman,
Ježto lýtý lovec sluje,
Poddaných svých velký tyran;
Dnem i nocí vždy jezdíval,
Zvěře po lesích honíval.

385

Бюргер с самого начала добивается сжатости и стремится создать впечатление движения, ограничиваясь самыми необходимыми и часто лишь слегка обрисованными сведениями, в остальном же позволяя самому действию говорить за себя (так, например, тираническая сущность рейнского графа лишь постепенно приобретает очертания). Шедивый, напротив, пытается подать читателю эти же информации посредством порой пространных объяснений и описаний. Стремление Шедивого передать как можно много объяснений и толкований, и тем самым облегчить умственный труд читателя, проявляется уже в заголовке: у Бюргера семантически довольно нейтральное определение *wild* (дикий) сообщает мало чего о характере графа по сравнению с довольно однозначным *ukrutný* (жестокий, ужасный, страшный). Так же вводная ссылка об использовании летописи, отсутствующая у Бюргера, усиливает впечатление косвенности. Создаётся ощутимая дистанция между рассказыванием и рассказываемом, чего Бюргер избегает сильно персональным рассказыванием.

Одной из главных причин тому, что текст Шедивого так значительно отли-

чается от немецкого источника, является та, что в то время выразительный потенциал чешского языка был принципиально ограничен, особенно тогда, когда была затребована такая высокая экспрессивность как в *Der wilde Jäger*. Что касается метрики, то в этой области чешская поэзия находилась ещё в ориентировочной фазе. Речь Йозефа Добровского (*Josef Dobrovský*) в защиту силлабо-тонического стихосложения стала для Пухмайера и его последователей, которые усвоили эту концепцию, обязательной лишь в 1797 году, когда вышел второй альманах, и которому предшествовало введение в основы просодии. Шедивый использует в *Ukrutný myslivec* ещё (8-сложный) силлабический принцип, внутри которого можно узнать – хотя и несистематически выраженную – склонность к трохею. Из этого вытекает, пожалуй, также «прозаическое» впечатление текста, которое критикует Фердинанд Шульц (*Ferdinand Schulz*) в своей работе о ранней чешской балладе: *Špatně veršovaná holá prósa* (Schulz 1877: 61).

Ещё одно существенное отличие перевода от источника обнаруживается в конце текста. В то время, как Бюргер лишь лаконично намекает на дальней-

шую судьбу графа, не давая оценку происходящему, добавляет Шедивый ещё две строфы, в которых рассказчик нравоучительно предупреждает о последствиях жестокости и надменности: *Tak se s každým ukrutníkem // V poslední den bude díti [...]*. Это дополнение сужает диапазон интерпретации читателем и имеет последствия для жанровой специфики стихотворения, так как поучительно-нравственная функция в данном тексте подчеркивается сильнее, чем само событие, которое у Бюргера в свою очередь является центральным. Тем не менее, речь идет не о сознательном нарушении поэтологических и эстетических норм и не о художественной неспособности. Так как в то время, когда чешская литература лишь начала снова конституироваться, общая система литературных жанров ещё не сложилась. Это происходило только путем экспериментирования и опробования, а также посредством поисков собственных форм выражения. Всё это должно учитываться при оценке достижений Шедивого, который является одним из пионеров чешской баллады, и о балладе *Ukrutný myslivec* нельзя судить по художественным меркам последующих эпох.

Антонин Ярослав Пухмайер сам поместил балладу в первый том своего альманаха: *Jiří král a Vaněk Všeboj* (Almanahy A. J. Puchmajera 1: 66–74). Литературным произведением, положенным в основу этой баллады, послужило также стихотворение Бюргера, а именно *Der Kaiser und der Abt* (Bürger 1987: 265–271). И здесь встречаются существенные структурные изменения, например в форме повествования и в метрической системе; и здесь можно констатировать изменения в функциональной и оценочной гамме, которые в конечном счете обусловлены

невозможностью сопоставить уже сложившуюся немецкую литературу с еще устанавливающейся чешской литературой. Пухмайер перемещает действие *Jiří král a Vaněk Všeboj* в Богемию.

Комическая баллада Бюргера *Der Kaiser und der Abt* (с подзаголовком *Ein Schwank*), впервые опубликованная в 1785 году в *Göttinger Musenalmanach*, в свою очередь является также адаптацией, а именно баллады *King John and the Abbot of Canterbury* из второго тома *Reliques of Ancient English Poetry* Томаса Перси (*Thomas Percy*). В основу баллады был положен известный с античных времен, широко распространенный в международной литературе мотив (ср. например, старую повесть о Турандот или сказку братьев Гримм *Das Hirtenbublein*): некая личность сталкивается с тремя трудными или неразрешимыми вопросами и, ответив на них или просто проявив находчивость, может спасти свою жизнь, или завоевать расположение любимой, или получить какую-нибудь награду. В балладе Бюргера, время и место действия которой остаются неопределенными, повествуется о том, как один кайзер проучил одного аббата, который жил в свое удовольствие, в то время, как сам кайзер постоянно подвергался опасностям господствующей войны и терпел лишения. Кайзер навещает аббата и задает ему три сложных вопроса, на которые аббат должен ответить в течение трех месяцев. Если он не справится с этой задачей, то он лишится своей должности и, чтобы его пристыдить, его провезут по всей стране, сидящим задом наперед на осле. Установленный срок приближался, а у аббата до сих пор не было ответа на вопросы; ему не смогли помочь даже лучшие ученые страны. Тогда-то и предлагает свою помощь отчаявшемуся аббату

его пастух Ганс Бендикс (*Hans Bendix*). Пастух переодевается аббатом, едет к кайзеру, находчиво отвечает на все его вопросы и, в конце концов, признается, что он не аббат. Кайзер, которому понравилась находчивость Бендикса, хочет сделать его аббатом. Бендикс отклоняет его предложение, ссылаясь на отсутствующее образование. Вместо этого он просит пощадить аббата. Кайзер согласен выполнить его просьбу, но при условии, что аббат в будущем обязуется кормить Бендикса, и при этом освободить его от обязанностей пастуха. Так же, как и в *Der wilde Jäger*, стоит в *Der Kaiser und der Abt* на первом месте – в данном случае комическое – действие и вместе с ним развлечение читателей. При этом социальные, политические и подобные конфликты порождают действие. Они составляют вторичный пласт в смысловом плане произведения. Речь идет в первую очередь о натянутых отношениях между бедными и богатыми, власть имущими и безвластными и т. д. Хотя Бюргер и использует политические и социальные масштабы, но он подчиняет их своим собственным литературным желаниям, что наиболее ярко выражено в примирительном конце. Пастух награжден и смог улучшить свое положение. Он абсолютно не стремится изменить социальное положение, хотя у него есть возможность сделать это. Духовное лицо заслуженно проучили, не лишив его должности. И эта баллада Бюргера отмечена ярко экспрессивным стилем и наилучшим применением повествовательных средств, так, например, действующие лица характеризуют их диалоги и их поступки. Не в последнюю очередь вносит свой вклад в создание оживленности и комического эффекта стихотворения разнообразный амфибрахический размер.

В отличие от Бюргера, Пухмайер помещает действие своей баллады, подобно тексту из сборника Перси, в конкретный исторический контекст. Центральным является конфликт между богемским королем Йиржи из Подебрада (*Jiří z Poděbrad*), который сначала принадлежал к рядам уtrakвистов, но во время своего царствования все больше и больше от них отдался, и помещиком Ваньек Вшебой (*Vaněk Všeboj*), который приобрел авторитет и влияние в этой умеренной группировке гуситского движения. В то время как ход событий в балладе Пухмайера в основном соответствует развитию событий в *Der Kaiser und der Abt*, то мотивация действия представлена иной. Если у Бюргера поводом к разногласию между двумя героями послужило раздражение кайзера, вызванное неадекватным образом жизни аббата, то в чешской балладе развитием действия послужили вполне политические причины: король Йиржи старался в то время оттеснить влияние одного из главных представителей уtrakвистов, с которыми он тогда находился в разладе:

Ale král,
Ježto zprvu kališníkům
Více než jich odporníkům
K ruce stál,
Pro rozličné zlosti,
Kyselosti
Jejich vyšších hlav
V nemilost je vzav,
Vaňka, jenž vždy dál a dále
K vyšším stupňům šel,
Byť ho lapil, neustále
Vidět chtěl.

Однако сказочный сюжет с тремя вопросами кажется довольно необоснованным на реальном историческом фоне.

Вопросы задаются не в устной (как у Бюргера), а в письменной форме. При этом представлены эти вопросы в несколько измененной последовательности и – что намного важнее – в существенно более короткой и более прозаической форме, чем в *Der Kaiser und der Abt*. Спасителем в чешской балладе является умный и хитрый мельник по имени Стрыц (*Strýc*). Поскольку король и Ваньек Всебой до этого никогда не встречались, кажется встреча между Йиржим и переодетым Стрыцем убедительной, но вызванное сценами переодевания и путаницей повествовательное очарование частично теряет свою силу из-за этого. Иная мотивация действия обуславливает и иной исход баллады. Стрыц требует от короля публично заявить о том, что Ваньек Всебой сам ответил на вопросы. Если аббат у Бюргера, хотя и легко отделавшись, в поединке с кайзером остался проигравшим, то у Пухмайера другая расстановка сил: Ваньек Всебой должен, правда, в будущем содержать Стрыца, в остальном же он может считать себя победителем, в то время как королю ввиду политической подоплеки своих действий пришлось потерпеть поражение.

Перемещение действия в судьбоносное для чешской истории время является, наверняка, так же одной из причин, почему в *Jiří král a Vaněk Všeboj* так мало остроумия и свежести, присущих Бюргерской балладе. Как у Шедивого, так и у Пухмайера мало чего осталось от экспрессивности и динамики немецкого оригинала. И в данном случае это проявляется уже в начале произведения. В то время как Бюргер ограничивается сжатым вступительным замечанием рассказчика, чтобы затем сразу же перенестись в гущу событий (*Ich will euch erzählen ein Märchen, gar schnurrig: // Es war 'mal ein Kaiser; der*

Kaiser war kurrig [...]), то Пухмайер начинает с описания исторической ситуации, которое растягивается на более чем 26 строк. От ярко индивидуализированной, оценивающей речи Бюргеровского рассказчика («*Pfäfflein*», «*Schwulität*» и т.д.) в чешской балладе не осталось и следа. Выражения вроде «*Prach a broky! což se stalo?*» являются максимальным проявлением экспрессивности. Отказ от какой бы то ни было строфики (в отличие от четверостишия Бюргера), а также от типичных для фольклора повторов, вольный (двух- и четырехстопный) трохеический стих и не соответствующая какой-либо закономерности расстановка рифмы уменьшают, в отличие от *Der Kaiser und der Abt*, эффект поэтического единства. Тем самым создается, хотя и несколько иное чем в балладе Шедивого *Ukrutný myslivec*, впечатление «прозаичности». На вопрос, почему Пухмайер просто-напросто не перевел балладу Бюргера, а перенес ее действие в чешскую среду, Шульц пытается ответить следующим образом:

«*Tehdejší doba nebyla by snesla tak říznou a peprnou charakteristiku stavu duchovního, a Puchmajer, sám kněz, nejméně byl by ji svému českému čtenářstvu podal. Tu nezbývalo nic jiného, než celou romanci, jak nyní se říká, po česku vzdělati [...]*»

(Schulz 1877: 57)

Резкая критика духовенства Бюргером и неуважительное изображение аббата, которого рассказчик несколько раз называет «*Pfäfflein*», были в то время в Богемии абсолютно невозможны. Но чтобы это смягчить, Пухмайеру не понадобилось бы прибегнуть к такой интенсивной переработке. Выбор конкретного

материала из чешской истории мог бы быть обусловлен пониманием того, что чешская литература это не только литература на чешском языке, но и литература, которая тематизирует преимущественно предметы, хорошо знакомые и понятные читателям. С этой точки зрения *Jiří král a Vaněk Všeboj* является первой попыткой в создании чешской баллады, которая имеет прямое отношение к жизни и достижениям чешского народа.

Еще одна баллада, напечатанная также в первом альманахе Пухмайера, связана хотя и косвенно с творчеством Бюргера. Это баллада Войтєха Нейедлого (*Vojtěch Nejedlý*) *Lenka*. Ошибочность точки зрения Фердинанда Шульца, который полагал, что это стихотворение положило начало чешскому «*lenorství*» (Schulz 1877: 67), была доказана уже Франтишком Коцоурком (František Kocourek 1911: 28). Скорее речь идет о вольном переложении баллады Давида Маллета (*David Mallet*) *Margaret's Ghost* из второго тома Перси Реликвес. Разумеется, Шульц, который не был знаком с английским текстом, был в чем-то все же прав: между *Lenka* и *Lenore* существует по крайней мере некое типологическое родство. В основу обоих текстов положен старый мотив возвращения мертвых, но в развитии действий они сильно отличаются друг от друга. В балладе *Lenka* мертвая героиня является неверному ей любимому и заманивает его к себе в могилу; в балладе *Lenore*, напротив, дух Вильгельма, невернувшегося с поля боя, забирает к себе ждущую его возлюбленную в царство мертвых. Нейедлый должно быть сознательно выбрал имя Ленка для главной героини, опираясь на частичное совпадение с именем Леноре, чтобы создать ассоциативную связь с балладой Бюргера, которая в то время была очень известна в Богемии. К тому же

начало баллады *Lenka* („O půl noci Lenka vstala [...]“; Almanahy A. J. Puchmajera 1: 8–12) проявляет определенное сходство с вступительными строками *Lenore* (ср. Schamschula 1973: 283–284). В связи с этим интересен еще и тот факт, что имя Ленка раньше считалось уменшительно-ласкательной формой и имени Элеонора.

Общей характерной особенностью этих переводов и переложений, включенных в первый альманах Пухмайера, является тот факт, что авторы не в первую очередь намеревались познакомить соотечественников с достижениями других культур. Это было бы в отношении баллад Бюргера незначительно, принимая во внимание политическую и языковую ситуацию в Богемии. К тому же у новой чешской литературы круг читателей был и без того сильно ограничен. Произведения, на которые можно было ориентироваться, служили большей частью образцами, при переводе которых можно было набирать литературный опыт. Самой главной целью всех переводов было бесспорно переложение баллад на чешский язык.

Хотя в первый альманах Пухмайера были включены переводы двух баллад Готфрида Августа Бюргера, у чешских поэтов того времени еще не утвердилась полностью его концепция баллады, которая представляет внутренние силы человека, неудержимую динамику его порывов и страстей и при этом шагает за пределы рационалистического мировоззрения к иррациональному и метафизическому. Произведения Бюргера, как и произведения других авторов, служили поэтам Пухмайеровского круга того времени прежде всего поэтическими шаблонами.

В этом отношении, пожалуй, не удивительно, что на этом начальном этапе

развития чешской баллады поэты часто обращались к поэзии до бюргеровского времени, а именно к балладам, которые в немецкой литературе связаны с именем Иоганна Вильгельма Людвига Гляйма (*Johann Wilhelm Ludwig Gleim*). Как и первые немецкие авторы баллад, так и чешские поэты стремились постепенно определить структурные рамки жанра. Это затронуло и повествовательную и поэтическую стороны, т.е. поиски подходящей структуры повествования и адекватной стихотворной формы. Сюда же относится и сознательный поиск сюжетов из народного фольклора, напр. из сказок, легенд, народных баллад, ярмарочных песен (*kramářské písňe*) и т. д. С

этим связана у большинства чешских авторов баллад того времени типичная и для Гляйма просветительская ориентация, будь то в ее комическо-иронической или сентиментальной разновидности. Углубленное литературное занятие моделью бюргерской баллады, которая в свою очередь уже ясно проложила путь романтизму, означило шаг по направлению ко второму этапу развития баллады в чешской литературе. Этот этап тесно связан с именем Йозефа Юнгманна. Его перевод *Lenore* положил не только начало чешского «lenorství», но и начало перспективного развития чешской баллады в художественно-эстетическом смысле.

zusammenfassung

Σ Gottfried August Bürger und die Entstehung der tschechischen Ballade

Zu den wichtigsten Impulsgebern der frühen tschechischen Balladendichtung gehörte Gottfried August Bürger (1747–1797), der nicht nur wegen seiner berühmten *Lenore* zu den herausragenden europäischen Balladendichtern zählt. Im vorliegenden Beitrag werden die Übersetzungen bzw. Nachdichtungen Bürgerscher Balladen untersucht, die im ersten der von Antonín Jaroslav Puchmajer seit 1795 herausgegebenen „Almanache“ enthalten sind, einem der bedeutendsten Publikationsforen für die frühen Vertreter der tschechischen Wiedergeburtsliteratur. Konkret geht es um Prokop Šedivýs Ballade *Ukrutný myslivec*, die auf Bürgers *Der wilde Jäger* beruht, sowie um Puchmajers Nachdichtung von Bürgers *Der Kaiser und der Abt*, die den Titel *Jiří král a Vaněk Všeboj* trägt. Außerdem wird kurz gezeigt, inwieweit Vojtěch Nejedlýs *Lenka* mit Bürgers *Lenore* zusammenhängt. Nicht zuletzt auf der Grundlage kurzer Textvergleiche soll der Frage nachgegangen werden, welche Funktion diese frühen Balladenübersetzungen im Hinblick auf die weitere Entwicklung der tschechischen Ballade erfüllten.

Литература

- Almanahy A. J. Puchmajera 1: Almanahy Antonína Jaroslava Puchmajera 1 (1795). – Znovu vydal J. Vlček. – Praha, 1917.
- Bürger 1987: **Bürger, G. A.** Sämtliche Werke. – Hrsg. G. und H. Häntzschel. – München – Wien.
- Kaim-Kloock 1963: **Kaim-Kloock, L.** Gottfried August Bürger. Zum Problem der Volkstümlichkeit in der Lyrik. – Berlin.
- Kocourek 1911: **Kocourek, F.** Ballady a romance v českém písemnictví. – Žižkov.
- Schamschula 1973: **Schamschula, W.** Die Anfänge der tschechischen Erneuerung und das deutsche Geistesleben (1740–1800). – München.
- Schulz 1877: **Schulz, F.** Česká balada a romance. – In: Osvěta. – Sv. 7. – S. 55–69, 224–237, 375–386, 463–476, 705–716, 780–787.

391